

С. Ю. Дубровина

Ментальность религиозно-мистических настроений сектантства и их лексическая реализация в истории Тамбовской губернии

В статье репрезентируется и анализируется историческая лексика, отражающая религиозное сознание представителей неправославных конфессий дореволюционной Тамбовской губернии. Целью настоящего исследования является: а) достижение полноты изучение исторического лексического фонда рационалистических (молокане, духоборы) и мистических объединений (скопцы, хлысты); б) выявление связи конфессиональной терминологии с ментальными доктринами неправославных общин на южнорусской территории в границах старой губернии; в) рассмотрение лексики как специфической составляющей истории языка, отражающей реалии и особенности уклада религиозных объединений. Выполнено лексическое описание конфессиализмов, отмеченных в религиозных объединениях; выяснено, что словарь общинной идентификации сектантства в период конца XVIII–XIX веков представлял собой оригинальный лексический свод, не коррелирующий с вероисповедальным лексиконом основного населения. При этом для представителей указанных общин он был самодостаточным, авторитетным и уникальным маркером идентификации собственного религиозного мировоззрения. Терминология и подбор средств выражения основаны на полуфольклорной традиции и мотивированы убеждениями сообщества о необходимости выстраивания для среды бытования собственной религиозно-мифологической картины мира.

Ключевые слова: историческая лексика, тамбовские говоры, конфессиональная лексика, самоназвания, мотивационные связи, факты истории языка, краеведение.

Для цитирования: Дубровина С. Ю. Ментальность религиозно-мистических настроений сектантства и их лексическая реализация в истории Тамбовской губернии // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 119–141. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_119. EDN: CLUTSQ

В свое время известный автор книги о русских духовных Стихах Георгий Петрович Федотов, касаясь темы «русской религиозности», точно подметил наличие неканонической линии вероисповедания среди части народных масс: «Русская религиозность таит в себе и неправославные пласты, раскрывающиеся в сектантстве» [21, с. 11]. На протяжении второй половины XIX века обращение к народной религиозности

было одним из самых популярных направлений отечественных антропологических дисциплин. При этом тема языка религиозной сферы нуждается в разработке и дальнейшем исследовании как лингво-историческое явление и терминологическая данность.

Фактором, сдерживающим, на наш взгляд, широкое обращение к терминологии «религиозного отступничества», являлась ее нетрадиционность и замкнутость, вызванная отступлением от православного вероисповедания и продвижением мировоззренческих и поведенческих установок, неприемлемых для основной части населения. Более того, значимым моментом, который следует отметить, является экзальтированность и приземленность обычаев, переходящая в «некорректность» и откровенную грубость многих сектантских «неологизмов» второй половины XIX века, в особенности тех, которые относятся к характеристике нашей традиционной церкви. Тем не менее, и эта лексическая данность призвана быть изученной в качестве лингвистического и исторического материала в силу ее языковой природы и архаичности лексикона.

Материалы и методы

На протяжении последних двух десятилетий вышли в свет публикации, обращенные к историко-этнографической и региональной стороне вопроса о формах народной религиозности. Исследователи затрагивают темы связей языков и мировых религий, языковой семантики и мифолого-религиозного сознания, особенностей религиозного общения [12], деревенских святых [15], народного православия [6]. Стали доступными архивные материалы, обращенные к историко-этнографической и региональной сторонам проблемы сектоведения в дореволюционной России [1–3; 5; 14; 17]. Привлекают внимание исторические свидетельства и архивные данные, нуждающиеся в современном осмыслении старых текстов. Интерес представляет также освещение религиозных форм социального протеста в истории России как феномена возникновения ересей, противопоставленных «не только господствующей церкви, но и непосредственно с ней связанному государственному механизму»: движение

«огнепальщиков» в связи со старообрядческим расколом. социальные процессы закрепощения и основание хлыстовства в 30-х годах XVII века [18, с. 28, 30]. Устанавливается важность изучения языка религиозной сферы, «в его обусловленности религиозной культурой» [13, с. 128].

В современное гуманитарное знание, формирующееся под влиянием установок антропологии В. фон Гумбольдта, активно входит *теолингвистика* – наука, исследующая постулаты религии, обращенные к осмыслению знаний, заключенных в религиозном языке. Современная синхроническая теолингвистика обращена к терминологии и процессам лексического самовыражения и самоутверждения, происходящим в языке на том или ином историческом отрезке формирования лексики, отражением каковых являются лексические словари конфессионального самоутверждения, сложившиеся в практике религиозного дискурса.

Целью настоящей публикации является аналитический обзор исторической конфессиональной лексики, бытовавшей в Центральном Черноземье в XIX веке. Исследовательские краеведческие задачи обращены к поиску и выявлению лексически маркированных номинаций отдельных религиозных групп и объединений, локально связанных с тамбовской землей. Исследование призвано восполнить лексическую лауну в отношении аналитики значимого языкового явления на отрезке географической карты России «Тамбовская губерния – Тамбовская область». В научный оборот вводятся архивные источники XIX века, на основе которых проводится лексико-семантический анализ терминологии. Статья содержит описание терминологических единиц лексики, маркирующих сферу вероубеждения. Аналитика исследования предполагает выявление терминологических групп и функционального статуса лексических единиц. Задачей исследования является также выявление религиозной терминологии, утверждающей состоятельность «собственного» вероучения «уклонистов», дополняющей лексический объем русского языка. Изучение этого исторического словарного фонда призвано к последующему решению задач аналитики исторического словаря религиозных группировок – «общинников». Таким образом, при исследовании осуществляется поиск лексических еди-

ниц тезауруса нетрадиционных религиозных объединений и толков, решаются задачи выявления тематики, словарного описания, прогнозирования структурно-семантического состава лексикона. Результатом исследования должно стать достижение полноты презентации массива лексического фонда и форм конфессиональной терминологии. Исследуемый материал будет полезным не только для исследователя-языковеда – лексиколога и лексикографа, но и для историка, фольклориста, краеведа, психолога.

Важной особенностью религиозного сообщества является обладание и владение «общим религиозным фондом», т. е. архетипическими формами выражения смыслов, формирующих и реализующих религиозные чувства [15, с. 3]. Следует учитывать исторически сложившуюся «среду» формирования конфессиональной терминологии неправославных общин в России: она развивалась в среде разговорного и диалектного языка под влиянием упрощенно-бытового восприятия «новых идей», вызывавших негативно-настороженную оценку со стороны представителей православного вероисповедания. Речевое самовыражение конфессий (молокан, духоборов, скопцов, хлыстов) представлено в классическом обзорном труде о сектах Т. И. Буткевича [4] и в краеведческих изданиях, в частности, тамбовских [7]. История и развитие «ересей, расколов и сект» подробно описаны в непревзойденном труде протоиерея Т. И. Буткевича [4], изложение которого построено от описания мистических сект (шалопутство, хлыстовство, скопчество) к представлению рационалистических (духоборчество, молоканство); при этом изучению подвергаются и менее известные объединения.

Результаты

Отступая от порядка представления сект Т. И. Буткевича, начнем наше рассмотрение с рационалистического движения *молоканства* как группы, наименование и терминология которой могут быть известны современному населению ввиду распространенности этого религиозного течения. Далее обратимся к «рационалистам» *духоборам*, затем к представителям «мистических сект» – *скопцам* и *хлыстам*.

Молокане

О высокой степени распространенности влияния *молокан* в южной России и истории Тамбовского края свидетельствуют «народные присловья» И. П. Сахарова, ставшие метафорическими маркерами обитателей тех или иных мест России. В своей популярной работе «Русское народное чернокнижие» И. П. Сахаров составил свод прозвищ жителей разных мест. Представленный исторический лексикон свидетельствует, что соотечественники называли тамбовчан по принадлежности к религиозному течению молоканства *молоканами* или *хрептуками степными* [19, с. 234]. Если второе прозвище – *хрептуки степные* – очевидно относится к географическому месту обитания (степь), то первое (*молокане*) уникально для краеведения, так как оно зафиксировано именно в качестве этнонима, что не типично для прозвищной лексики и отсутствует в характеристиках жителей иных русских территорий. Таким образом, религиозная отмеченность части населения губернии стала прозвищным классификатором «тамбовцев». Это именование выступает как исключительно значимый языковой классификатор исторической и религиозной идентичности. Для сравнения отметим, что в прозвищах жителей иных мест отсутствует мотивация вероучительной принадлежности: архангельцы – *моржееды*, владимирцы – *ключовники*, вологодцы – *толоконники*, вязьмичи – *прянишники*, ельчане – *сычужники*, новгородцы – *долбежники*, гущееды, судиславцы – *грибовики*, солигаличане – *бревенички*, рязанцы – *кособрюхие*, суздальцы – *мизенники*, мазалы, туляки – *стальная душа*, усольцы – *огуречники*, устюжане – *красноязыки* и т. п. [19; с. 215–235]. Достоверный номастикон прозвищ и присловий И. П. Сахарова с характеристикой *молокане* является доказательством наличия в Тамбовской губернии неправославных религиозных общин. Это подтверждается свидетельствами краеведов [7]. Но насколько распространены были *молокане* в России?

Авторитетные исторические источники по-разному представляют ареал «молоканства». Распространение представителей этой секты в конце XVIII – начале XIX вв. было отмечено на русском севере, в Центральном Черноземье, Поволжье и на Кавказе, оно коснулось Тамбовской, Владимирской, Сара-

товской, Самарской губернии; *молоканство* было распространено и на Кавказе. С именем крестьянина Семёна Уклеина, родом из Тамбовской губернии, связано появление *молокан* в России [17, с. 19]. Мнения о существовании объединений *молокан* в соседней Пензенской губернии расходились: одни считали *молоканство* не характерным для епархии, другие, опровергая это, указывали в качестве аргумента на скрытость и осторожность *молоканской* пропаганды [17, с. 20].

По различным данным, при переселении с родины в Забайкалье и на Амур тамбовские *молокане* и *духоборы* основывали там места поселения с родными для них именованиями (Андреевка, Покровка, Астрахановка). Вынужденные переселенцы выбирали название того села, из которого они приехали; причем чаще всего их выбор склонялся в пользу топонима **Тамбовка**. Во второй половине XIX – начале XX века было основано много подобных *Тамбовок* в Амурской области [5, с. 12]. Приводя данные о *молоканах* – первых поселенцах Амурского края после казаков, К. Литвинцев упоминает в качестве губернии переселенцев Тамбовскую. В частности, интересна зарисовка о 90-летнем тамбовском старике-духоборе, поразившем его своей начитанностью и крепкой памятью: «Он помнит твердо 1812 год, живя в это время в одном из сел Тамбовской губернии» [10, с. 665].

«Виновником», т. е. основателем *молоканства* считался Семен Уклеин (Матвеев), живший в XVIII веке, – «портной по ремеслу», «дворцовый крестьянином села Уварова» (Борисоглебский уезд Тамбовской губернии) [4, с. 281]. Суть названия *молокане* православное окружение объясняет «наивной этимологией» по созвучию, так как для православного окружения неприемлемо употребление молока в период постов, особенно в Великий пост. Распространенное прозвище «*молокане*», основанное на народной этимологии, было известно веком ранее, причем *молоканами* уже тогда именовали всех «уклонистов», не принимавших православие. Сами же *молокане* именовали себя *истинно духовными христианами*, тогда как *духоборы* называли себя *духовными христианами* [4; с. 281–282]. Терминологическое отделение *молокан* и *духоборов* осуществил своим высочайшим авторитетом екатеринославский архиепископ Амвро-

сий в 1875 г., обозначивший современных ему «духовных христиан» «духоборами», что «пришлось по сердцу этим сектантам, тем охотнее именуящим себя сынами Божиими, истинными, духовными христианами» [4, с. 206, 282]. Имеются свидетельства, негативно освещающие экзальтированное поведение молокан на «собраниях»: действия, предполагающие *голяшничество* раздевание со снятием всей одежды кроме длинной белой рубахи. Этот отрицательный оценочный термин закрепился в лексиконе пензенских крестьян, иронично именовавших молоканство *голяшничеством*. В Мокшанском уезде *голяшничеством* именовали само явление молоканства вообще [17, с. 20].

Обратимся к рассмотрению истории именовании молоканских объединений и их представителей в работах историков XIX века. Версия появления прозвища *молокáne*, ставшего универсальным именованием протестантов вообще, выдвигается в заметках К. Литвинцева, который считает, что это название «не сами они присвоили себе»; напротив, «они так названы православными» [10, с. 549]. Таким образом, *молокане*, по всей вероятности, не самоназвание сообщества, напротив, это *иноназвание*, пришедшее из православной среды в качестве оценочного именовании вольного поведения «уклонистов», в особенности порицаемого православными несоблюдения постов и запрета на молочное в пост. Следует также уточнить собственно «молоканское» содержание лексемы *пост*: *молокане* соблюдают свои посты как совершенное непринятие пищи (*неядение*) от зари до зари. «В этом же значении понимают пост и духоборы» [10, с. 549; 16; II, с. 1587–1589].

Такое же объяснение именовании *молокане* было подтверждено в беседах с современными жителями Тамбовской области. Подробной информации о наличии религиозных сообществ *молокан*, *духоборов* и прочих «сектантов» записать не удалось: люди скорее готовы слушать объяснения собирателей, но сами не имеют о теме ясного представления. Однако информанты сходились в том, что, во-первых, знают (слышали) о таковых; во-вторых, без труда трактовали именование «общинников»: «*Малакány* не веруют в крест, в церкву не ходят. У них свое кладбище. В пост едят молоко, отсюда и название – *малакány*» (сёла Кёрша, Пахотный Угол

Бондарский район). Таким образом, как мнение историка XIX века К. Литвинцева следует считать достоверным ввиду его фиксации в ППБЭС, так и народное объяснение наших дней совпадает с этим пояснением: «Назвали их молоканами потому, что они в пост пьют молоко; сами же они объясняют это название тем, что учение их есть "словесное млеко"» [16; II, с. 1587–1888].

Духоборы (духоборцы)

Во 2-й половине XVIII века распространяется учение духоборов – одного из течений «русского духовного христианства», тяготевшего к общинному укладу жизни, корни духоборчества «генетически были связаны с хлыстовщиной» [5, с. 11]. Руководителями тамбовских духоборов были Иларион Побирохин, «однодворец села Горелое Тамбовского уезда» [4, с. 212], и его соратник Савелий Капустин, отставной унтер-офицер, тоже родом из Тамбовской губернии, заменивший сосланного в Сибирь Побирохина [4, с. 214]. Оба восприняли учение от Силусена Колесникова – первого распространителя духоборческого учения в России. Духоборчество считается «русской сектой» [16, I, с. 777]. Почвой духоборчества явился протестантизм, в том числе квакерство, хлыстовство и другие «лжеучения» западного европейского материализма XVII века [4, с. 206].

По материалам тамбовских краеведов, поселения духоборцев находились в Козловском (ныне Мичуринский район Тамбовской области) и Тамбовском уездах, а также в селе Красная Дуброва, Троицкая Дубрава [7, с. 203, 222]. Мистика духоборов проявилась в убеждении, что души людей жили еще до сотворения мира, но пали вместе с ангелами [16, I, с. 778]. Корень словообразующей основы именованной конфессии -бор- включает в себе мятежную семантику борьбы и борения духа. Именование духоборы (духоборцы) выражает сущность борьбы за свои убеждения, так как, по их верованиям, дело спасения зависит от внутреннего озарения (освящения от Духа Святаго). Автор историко-этнографического очерка о жизни духоборцев на Амуре в 80-х годах XIX века К. Литвинцев, задавая себе вопрос о происхождении наименований протестантских конфессий духоборов и молокан, видел здесь внутреннюю духовную борьбу личности: «Духо-

бор, для наития в себе святого Духа, борется с самим собой, со своими страстями...» [10, с. 549]. По мнению К. Литвинцева, именованном своим «духоборы весьма гордятся», так как оно отражает сущность исповедания их веры [10, с. 549]. Духоборцы верят в переселение душ, не признают первородный грех, отрицают Божества Иисуса Христа, отвергают таинства, священство, обряды (крещение, брака). Рационализм этой конфессиональной группы проявляется в том, что представители течения утилитарно подходят к священному тексту Священного Писания, полагая, что человек имеет право брать из Писания только «полезное». При этом представители течения ценят предания – «живое слово», переходящее из поколения в поколение (*книгу животную*). Неприятие духоборами священства отразилось в отсутствии лексики «устава», иерархии чинов и обрядности. Библию духоборы считали пустым чтением, приносящим излишние неудобства. Считается, что до конца XVIII века они обращались к чтению Евангелия на собраниях, но впоследствии Побирохин запретил это, назвав Библию «хлопотницею» [4, с. 214], и объявил обладающим истиной лишь «живое устное слово». На своих «молитвенных» собраниях они наизусть читали и пели псалмы – произведения, составленные из текстов Псалтыри, Нового Завета, церковных молитв, пели псалмы собственного сочинения, а также стихи духовные и литературные.

Исследователи сектантства отмечают близость религиозных воззрений так называемых рационалистов – духоборов и молокан, позволяющую оба течения считать «русскими протестантами». Т. И. Буткевич обличал симпатии к расколу в среде русской интеллигенции, усматривающей здесь «явление отрадное и прогрессивное», «свободный порыв к свету» [4, с. 3]. На самом же деле свобода оборачивается нежеланием понуждения себя к строгости в словах, делах, к плотским ограничениям, посту; отрицанием личного контроля поведения в семье и обществе.

Хлысты

По традиции, определенной классическим трудом профессора Т. И. Буткевича, исследование исторического явления «мистических» сект начинается с обращения к явле-

нию хлыстовства и заканчивается скопчеством [4; с. I–XIV, оглавление]. Рассмотрим лексическое самоопределение двух «мистических» сект – хлыстов и скопцов. «Хлыстовские верования появились на Руси в правление великого князя Дмитрия Иоанновича Донского» [4, с. 18]. Территорию появления этой секты историки связывают с бассейном реки Оки с дальнейшим распространением по средней и верхней Волге [2; с. 23–24]¹. В 70-х годах XVII столетия хлысты появились в Орловской, Тульской, Тамбовской губерниях и постепенно распространились далее на север и на восток [2; с. 23–24; 15, с. 28]. Материалы полковых историков Кубанского казачьего войска свидетельствуют о том, что сектантство, в частности, хлыстовское учение, играло значительную роль в религиозной жизни казачества Ставрополя 2-й половины XIX века [11, с. 32]. Хлыстов называли также христоверами [14, с. 28], богомолами, шелапутами, истинными христианами, давидовым согласием [7, с. 216]. Устройство общин и история хлыстов описаны в работах С. Д. Бондаря [3]. Измышления своего учения хлысты перемежали с достоверными историческими фактами и событиями русской истории. Так, главу скопческой ереси Кондратия Селиванова, бежавшего из Сибири и поселившегося в 1817 г. в Петербурге, считали «государем батюшки Петра Феодоровича»; более того, возводили в ранг святости, кощунственно называя «истинным Христом» и «вторым сыном Божиим» [8, с. 3]. Наименование хлысты не является самоназванием, скорее всего, оно акционального происхождения и образовано от глагола хлыстать – действия, производимого на радениях. Сами себя хлысты так не называют, но зовут «людьми божиими», и не любят, когда их хлыстами именуют другие. У хлыстов много других иноназваний – богомилы, кантовщики, сладкоедцы, шалопуты, самообожатели, ханжи, ляды и др. [16, II, с. 2281].

Имеется свидетельство о «причастии» тамбовских хлыстов, во время которого руководитель сообщества хлыстал их кнутом: «Несмотря на то, что богомолы шли к причастию весьма охотно, Катасонов вооружился кнутом и подгонял всех к столу» [7, с. 219]. Вполне возможно, что своё наименование хлысты получили как прозвище от местного

¹ Для сведения: Тамбовская область входит в район Поволжья, так как река Цна является притоком Оки.

населения из-за собственной часто произносимой формулы на собраниях: «Хлыщу, хлыщу, Христа ищущу!» [7, с. 217]. А. Г. Берман приводит материалы следственных комиссий, из которых следует, что на своих *радениях*, многократно повторяя Иисусову молитву, хлысты впадали в экстаз; вследствие чего их пляска представляла непроизвольные круговые движения [2; с. 29–30].

Кратко остановимся на языковом материале – индикаторе выражения смыслов, идентифицирующих членов своего конфессионального сообщества. Старой или «коренной хлыстовщиной» были так называемые *белоризцы*¹ – члены собрания, поэтичное наименование которых символизирует святость риз, наполненных «нетварными» энергиями горнего мира и воспоминанием об ослепительном Фаворском свете (белый цвет риз). В действительности это возвышенное именование единомышленников было лишь словесной ширмой и фактически соответствовало вышеописанным *радениям* (собраниям) или *деяниям* (обличениям грехов), проведение которых сочеталось с банальностью и грубостью исполняемых действий, пением в хороводе, хождением по кругу, помахиванием платочками, круженьем и верчением, топаньем на месте, подскоками, импровизацией несвязных стихов, затем падением на пол, всхлипываниями, «прищелкиваниями» и «свальным грехом» [3; с. 11–13, 21]. Ввиду того, что именованная данных обрядовых действий явились впоследствии источником исторической идентификации, остановимся на них подробнее.

В разных сектах были свои особенности поведения и проведения молитвенных собраний, отраженные в обрядовой терминологии. *Радения корабельные* – молитвенные собрания секты *белоризцев* – состояли из пения церковных молитв и хлыстовских стихов, а также хоровода, идущего справа налево с одновременным кружением одного члена собрания в центре круга – то есть, совершением *одиночного радения*. Помимо *одиночного радения* бывали *радения круговые (корабельные)* или *крестиком*. Сами участники собраний зовутся *радеющими*. Во время кружения *радеющие* поют «А мы духом запоем и корабликом пойдем» и не скрывают переполняющих их эмоций, то есть «гогочут, вскрикивают,

¹ «Первоначальную форму русской хлыстовщины составляет секта так называемых "белоризцев"» [3, с. 7].

всхлипывают, прищелкивают и падают в изнеможении» [3, с. 11]. Терминология обрядов являет разнообразие. Радение *кораблем* – «кружение», которое совершается мужчинами и женщинами порознь, знаменуя купель духовную или чан духовный, в котором сектанты омываются водою (т. е. «крестятся»). *Одинокое радение* – верчение, которое совершается одним лицом или несколькими лицами, при этом они *трепещут* плотию, т. е. нарочито трясутся и «ломаются». Радение *всхватку* – двое обхватывают друг друга и вертятся по комнате. Общее наименование – *белоризцы* – отражает цвет одежды на собраниях и является обозначением «чистоты духа». Хлысты совершали свои *радения* босиком или в чулках и надевали «белые одежды»: мужчины – белые сорочки и кальсоны, женщины – белые юбки и кофты, что, видимо, и дало основание для самоназвания «белоризцы». Отдельные объединения внутри секты хлыстов назывались *кораблями*; *кормщиками* (*пророками* или *пророчицами*) – руководители кораблей. Рационально-мистическое устройство собраний демонстрирует «демократическое (коллективистическое) понимание идеи перевоплощения Христа»; предписанные практики собраний якобы позволяют «видеть Христа во всех нас», т. е. во всех членах общин, «во всем роде» [3, с. 14, 19]. На почве «старой хлыстовщины» впоследствии возникла секта тамбовских *постников-богомолов*. Она отличалась строгостью поста, который состоял в полном воздержании от пищи, но при этом каждый постящийся – *совершенный* член секты избирал себе *духовницу*, с которой «жил по духу» [3, с. 16].

Ложная установка хлыстов на крайнее отрицание плоти как злого начала и идеализации духа как начала доброго нашла крайне грубое отражение в именовании младенцев, рожденных от родителей «не духовных», то есть «не назначенных» общиной. Дети хлыстов, рожденные в браке по венчанию, не признавались сообществом, назывались *грешками*, *щенятами*, *утехами сатаны* [16; I, с. 2283–2284]. Сами же члены общин возвышенно именовались *духовниками* и *духовницами*. В завышенной идентификации хлыстовских глав и членов общин проявляется настойчивое стремление к самоутверждению: *апостолы*, *архангелы*, *судьи*, *пророки*, вплоть до кощунственного самоименования *Христос*. «Корабельная»

тема учения хлыстов эксплицирована в соответствующих номинациях: *кормищица* – ‘управительница общины’, *парус* – ‘мантия’, *корабли* – ‘отдельные общины хлыстов’. Члены общины могут именоваться *постниками* и *богомилами*. В терминологии хлыстов прослеживается также «женская» тема: некие *богородицы*, *духовницы* – значимые лица в общинах.

Тамбовские «наставники» были известны за пределами родной губернии и создавали свои группы и на сопредельных территориях. Так, главным руководителем пензенских хлыстов стал некий крестьянин Степан Чушкин, «бывавший на заработках в Кирсановском уезде Тамбовской губернии»; причем, «вернувшись оттуда, он выдавал себя за *пророка*» и стал руководителем хлыстов пензенского села Селиксы. Чушкин периодически ездил к «тамбовским наставникам», для чего ему добыли «рекрутскую квитанцию», освобождающую от воинской повинности [17, с. 25]. О *богомоллах* (хлыстах) – Абакуме Копылове и его работнике Перфиле Катасонове – упоминает И. И. Дубасов [7, с. 219]. По поводу первенства в общинах Т. И. Буткевич замечал, что у хлыстов или *шалопутов*, как и других сектантов, было вполне обычным продолжением взаимной деятельности разрушение их «братского» союза «из-за вопроса, кому быть Христом» [4, с. 95].

Обрядовая лексика хлыстов отражает, с одной стороны, их стремление к самоутверждению через заимствование средств высокой стилистики русского литературного языка, с другой – простонародными и обмирщенными референциями. Больше всего это стилевое смешение проявляется в акциональной и номинативной словарных группах, характерных для хлыстовских собраний: *закалать агнцев* (о «причастии»), *искать Христа*, *пророки*, *радения*, *братья* и *сестры*; с другой – *верчения*, *пляска*, *кружение*, *хлыстать*, *скакать*, *шалопуты*. В лексическом поле, основой самовыражения которого может быть только простонародная лексика, отсутствуют и смешиваются стилистические уровни. Терминология «хлыстовщины» разнится в количественном и тематическом отношениях. Самоназвания *белоризцы*, *люди божии*, *пророки*, *корабли*; именованная иерархия *апостолы*, *богородица* (активистка общины) устанавливают внутреннюю значимость догматических установок своей конфес-

сии, используя христианскую традицию священной истории. В реальности в общинах хлыстов находились самозванные «богородицы», «пророки» и «апостолы», и на собраниях они подвергались сильным психическим экзальтациям, которые самочинно объясняли наитием духа. Более того, хлысты веровали в непрекращающееся периодическое возрождение Христа, как язычники египтяне в возрождение Осириса.

Хлысты тщательно укрывали свои собрания от православных, именуя последних «свиньями», тем самым провоцируя поводы к недовольству. Убеждение хлыстов в своей богоизбранности зиждилось на ложном самовосхвалении. Соответственно, «иноназвания» самих хлыстов, адресованные им православным населением, демонстрируют жесткую неприязнь и иронию: *христовщина*, *богомилы*, *ляды*, *кантовщики*, *сладкоедцы*, *шалопуты*, *монтаны*, *ханжи*, *самообожатели*, *купидоны*, *братья-корабельщики*, *вертуны*, *баклушники*. Собрания и обряды хлыстов иронично и негативно именуется «верчениями», «свальным грехом».

Скопцы

Кратко остановимся на особенностях лексического самовыражения скопцов. По мнению Г. Дьяченко, скопчество появилось и заимствовано в России от *богомил*ов – носителей ереси из Болгарии. Несмотря на неестественность скопческой пропаганды, а также невзирая на разъяснения православных пастырей и строгости наказания гражданской властью эта секта продолжала существовать [9, с. 193, 608]. Именованное *скопеец* отражает крайние отрицания физиологии и сознания человека – отрицание брака и естественных отношений между полами. По М. Фасмеру, ст.-слав. *скопъць* (греч. *εὐνοῦχος*) «связано с чередованием гласных со *щепá*, «...наряду с этим встречаются формы без s: греч. *χοῦπτο* «бью, рублю», *χοπάς* «обрезанный» [20, III, с. 650]. Скопчество обратило на себя внимание еще в 1772 году, при этом вопрос о том, кто был основателем объединения, остается открытым, хотя Т. И. Буткевич считал, что «виновником» секты являлся некий *Селиванов* (вероятно, Кондратий) [4; с. 171–172]. Движение распространилось в Орловской, Тульской и Тамбовской губерниях, «столицей» скопчества в которой стало

село Сосновка [4, с. 174]. Скопцам были свойственно стяжательство, страсть к деньгам. После крестьянской реформы 1861 года большой резонанс получил «скопческий процесс» Платицына, купца-миллионера, приверженца секты, проживавшего в Моршанске в середине XIX века.

Метафорическая самооценка *скопцами* своего религиозного сообщества отразилась в именовании *голубиное учение*, символически устанавливающим возвышенные качества объединения. Самоназвание общинников *белые голуби* коррелирует с орнитоморфным символом (голубь), олицетворяющим чистоту и непорочность, что, по мнению скопцов, свойственно их учению. Мистические настроения скопцов, заключающиеся в трактовке «презрения плоти», выражены эвфемистическим продуцированием наименований соматизмов (*ключи ада*, *ключи бездны*) и производимых операций оскоплений – *первое убеление*, *второе убеление* (*царская печать*) и других крайне негативных ассоциативных терминов [4, с. 195]. Подобные наименования, утверждающие обособление и возвышающие «самость» членов общин, характерны для маргинальных конфессиональных групп. Тем не менее, вредоносность деяний лиц, приверженных сектам скопцов, а также иным группам «уклонистов», была настолько очевидна для личности, социума и государства, что в 1845 году законодательством было принято «Уложение» о соответствующих наказаниях для последователей сектантов. При наличии доказательств «по совершенном изобличении» виновных ждала ссылка на Кавказ [1, с. 124].

Завершая результативную часть нашего исследования отметим, что в исторической жизни Тамбовского края реже всего отмечены в документах *старообрядцы* – православные дониконовской эпохи, которые жили скромно в северных уездах, имели часовенки, моленные дома для своих служб, и гнев духовенства и светских начальников, изливаемый на них, был «скоропреходящим» [7, с. 224].

Подводя итоги нашего исследования об истории, способах и особенностях лексической реализации мистических религиозных настроений в Тамбовской губернии XIX – начала XX века, отметим следующее. Обращение к историческим свидетельствам словаря неправославных конфессий убеж-

дает нас в том, что состав «иноконфессиональной» лексики, отмеченной среди «глубинного» простонародного населения деревень и сел Тамбовской губернии, сосредоточен на самоутверждении конфессиональных групп и их самобытности. Произведенный обзор тематики лексических единиц свидетельствует о приоритетном внимании к самоназваниям, именованию собраний, руководителей и членов сект, элементов общинной практики и производимых ритуальных действий. При этом акцентируется «высокая» значимость учений, собраний, радений, молений, причастия – прохождения той или иной стороны обряда. Именования повторяются в разных тематических группах, часто демонстрируя однообразие «профанного» словарного состава. Очевидно речевое самовозвышение – стремление к словотворчеству на базе возвышенных образов, нетипичных для обыденной коммуникативной практики (*корабли, пророки, апостолы, голуби*).

Лексика «глубинной» простонародной среды жителей деревень и сел Тамбовской губернии не всегда удовлетворяла запросам «уклонистов» к самовыражению, что провоцировало изыскание нетипичных возможностей лексической самореализации для утверждения собственной необычности. Это выражается в конструировании тематических именовании (лиц, собраний, действий и общинных практик), призванных показать значимость и «инакость» конфессии и возвысить её самобытность. Лексика самоопределения религиозных объединений не изобилует широтой состава и стилистическим многообразием, но утверждает значимость совершаемых обрядов. Особенностью «радений» и «собраний» является практикуемое достижение экзальтированности через недостойные в нормальном обществе ситуативные действия (раздевание, притоптывание, верчения, свальный грех у хлыстов). Это касается и речевого поведения самовозвышения (называние себя *пророками, христами, ангелами и агницами, духовниками и духовницами*). Самоидентификации (*апостол, богородица* – названия «наставников» у хлыстов) демонстрируют завышенную самооценку и отсутствие самокритичности лиц, исполняющих эти «роли». С точки зрения исповедников православия, конструирование подобных именовании является кощунственным актом, так как доказательная мотива-

ции обоснованности религиозных «притязаний» зиждется на смиренности, основе «правильного» общинного знания Священного Писания и библейской картины мира.

Авторы описаний исторических сект отмечают у их представителей антиномию к окружающему миру. Очевидны негативные характеристики, относящиеся к не-своей среде, к традиционной церкви и ее представителям, что вызывало взаимное отторжение, ссоры, социальную неприязнь. Так, Перфил Катасонов¹ называл православных священников «псами» и «собаками», рекомендовал своим последователям всячески вредить им и с такою же ненавистью относился ко всем православным [3, с. 28]. При этом демонстрировалась безупречность и самовозвышение собственных сообществ.

Тем не менее, и эта лексическая данность призвана быть изученной в качестве лингвистического, исторического факта, множественности материала и его регионального языкового своеобразия.

Заботой о собственной значимости и привлекательности обусловлена необходимость выстраивания религиозно-мифологической схемы каждой конфессии, поэтому очевидно стремление к идентификации и новаторству, выраженное в приоритетном возвышенном именовании членов общинных коллективов и самих общинных групп. В исследуемом семантическом поле лексики присутствуют метафоры, образность и меткость самовыражения.

Терминология и подбор средств самовыражения конфессий строятся на фольклорной и простонародной основе. Очевидны претензии на истинность своих воззрений и стремление к обособлению. При этом лексика рассмотренных религиозных объединений несопоставимо беднее по содержанию и способам выражения, чем тезаурус официальной церкви и старообрядчества. Это объясняется разными факторами: во-первых, отсутствием постоянного обращения к традиции церковного Писания и церковного предания и заменой вековой традиции вольным пересказом; во-вторых, отрывом сект от высокого стиля церковнославянского языка (выработка собственной семантики на почве разговор-

¹ Перфил Катасонов – род. в 1808 г., основатель секты хлыстов «Старый Израиль», уроженец села Перевоз Кирсановского уезда Тамбовской губернии [3, с. 24].

ного языка, вольные мистические толкования); в-третьих, стремлением к новаторству. Свою роль играет стремление сообществ к ограниченному общению (закрытость, замкнутость членов общин на себя). «Новаторство» сектантского толка проявляется в словесных знаках именовании общин, иерархии, участников, обрядовых действий. При этом мистическому словотворчеству исповедников «новых» религиозных течений, не блещущих в массе своей образованностью, доступны, как правило, только средства простонародного русского языка и терминология библейского происхождения в диалектно-разговорной передаче. Объяснения и доказательства достаточности мистических учений молокан и хлыстов строятся на полуфольклорной традиции со специфическим подбором тем и средств выражения.

Представителя общины всего более заботит «инакость» своей группы, чем такое всеобъемлющее понятие, как «народ Божий». Постоянное отстаивание собственной идентичности обусловило необходимость выстраивания для групп и толков оригинальной религиозно-мифологической картины мира.

Обсуждение и выводы

Словарь общинной религиозной идентификации молокан, духоборов, хлыстов был обусловлен замкнутостью сектантов на себя, но тем не менее он представлял несколько групп лексики. Во-первых, это церковнославянизмы в обмирщённой и иносказательной семантической передаче (ср.: *апостолы*, *пророки*, *богородицы*, *христы*, *чудотворки* – кощунственные именованья руководителей общин хлыстов); *ключи ада*, *ключи бездны* – терминология скопцов. В именовании духобор используется способ словосложения от разных корневых основ, развившийся в русском языке под влиянием старославянского. У хлыстов, несмотря на формальное наличие словесных знаков (*богородица*, *христос*), высокий стиль возвышенного языка славянских первоучителей нарушен и обмирщён грубыми действиями руководителей и их далеко не мирным поведением (понуждением к «причастию» с помощью кнута, «хлыщением», скаканием). Подобные действия схожи с *голяшничеством* – раздеванием на молоканских собраниях. Вторую базовую часть терминологии «общинников» составили

русские оригинальные новообразования, не коррелирующие со смыслами вероисповедального самовыражения православной части населения, используемые внутри религиозных групп. Таким образом, основа лексикона представителей различных сект и толков (терминология действий, обрядов), несмотря на противопоставление многовековой традиции вероучения, являлась разговорной русской лексикой, созданной на общенародной основе русского языка. Тематика новообразований сектантских терминологий состоит из 3-х основных групп: именовании общин, групп, «духовных» лиц и членов сообществ (1), также производимых действий обрядового плана (2) и отрицательно-оценочных именовании лиц «не своей» религиозной группы (3). Такая акцентуализация тематики выполняет важную функцию самодостаточного и объединительного маркера собственной группы.

Лексика перечисленных конфессий тематически ограничена, несравнимо беднее по содержанию и способам выражения, чем православная. Доминирует стремление к «инакости», оформление которой состоялось стихийно в целях обособления, в результате индивидуального словотворчества, в группах с численностью представителей, не сопоставимой по сравнению с численностью окружающей православной среды. Факторами, сдерживающими широкое обращение населения к «сектантам», являлись, помимо основного вероисповедательного фактора, самообособленность, эпатажность способов выражения, языковое несовершенство, противопоставленность поведения и словотворчества. Содержательно это была терминология отступничества и самоотчуждения от вековой традиции православия. Терминология «общин» (сект) представляла отрицательный контраст с возвышенной красотой церковнославянского языка и церковного песнопения. Безусловно, главным условием отторжения от вхождения в данные сообщества было продвижение мировоззренческих и поведенческих установок, неприемлемых для основной части населения.

Список литературы

1. Александров И. А. Ответственность скопцов согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Христианское чтение. Научный журнал. Теология. Философия. История. – 2018. – № 4. – С. 124–132.
2. Берман А. Г. Простонародные религиозно-мистические движения в Среднем Поволжье в XVIII–XX вв. – Чебоксары: Волжский филиал МАДИ, 2008. – 284 с.
3. Бондарь С. Д. Секты хлыстов. – Пг.: Тип. В. Д. Смирнова, 1916. – 95 с.
4. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. – Харьков: Тип. Губернского правления, 1910. – X, 607, XIX с.
5. Буянов Д. Е. Духоборы в Амурской области во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 68. – С. 11–16.
6. Громыко М. М. Православие как традиционная религия большинства русского народа // Православие и культура этноса. (Межд. научный симпозиум: тезисы докладов). – М.: Старый сад, 2000. – С. 5–8.
7. Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Исследование И. И. Дубасова. – Тамбов: Тип. Губернского правления, 1890. – Вып. 1. – 225 с.
8. Дубровин Н. Ф. Наши мистики – сектанты: Е. Ф. Татаринова и А. П. Дубовицкий // Русская старина: ежемесячное историческое издание. – 1895 (октябрь). – Т. 84. – С. 33–64.
9. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) [Репринтное воспроизведение издания 1900 г.]. – М.: Изд. отдел Моск. патриархата, 1993. – 1120 с.
10. Литвинцев К. Амурские сектанты: молокане и духоборы // Христианское чтение. – 1887. – № 11–12. – С. 549–567; 664–681.
11. Матвеев О. В. К истории повседневности отставных кубанских офицеров (вторая половина XIX столетия) // Культурная жизнь Юга России (региональный научный журнал Краснодарского государственного института культуры). – 2012. – № 2 (45). – С. 30–32.
12. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Агентство ФАИР, 1998. – 352 с.
13. Мещерякова О. А. Язык религиозной сферы как объект изучения современной лингвистики // Art Logos (Искусство слова). – 2023. – № 1 (22). – С. 128–144.
14. Мищенко В. В. Сектантство на территории Орловской губернии в конце XVIII–XIX вв. // Вестник МГОУ (Московского областного университета). Серия «История и политические науки». – 2011. – № 1. – С. 27–34.
15. Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святые Северо-Запада России. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.
16. Полный православный богословский энциклопедический словарь в 2 т. [ППБ-ЭС]. – СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1913.
17. Плоткин В. А. Особенности сектантства Пензенской губернии в первой четверти XIX – начале XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2011. – № 2 (20). – С. 19–29.
18. Романовская Л. Р., Остроумов С. В., Сальников М. В. Фомичев М. Н. Религиозная форма социального протеста в политико-правовой истории России // Мир политики и социологии (федеральный научно-практический журнал). – 2014. – № 10. – С. 26–33.
19. Сахаров И. П. Русское народное чернокнижие. – СПб.: Литера, 1997. – 416 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х тт. – М.: Прогресс, 1986–1987.
21. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступит. ст. Н. И. Толстого; послесловие С. Е. Никитиной; комментарий и подготовка текста А. Л. Топоркова. – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.

Svetlana Yu. Dubrovina

The Mentality of Religious and Mystical Moods and their Lexical Realization in the History of Sectarianism of the Tambov Province

The article is devoted to the presentation and analysis of historical terminology reflecting the religious consciousness of representatives of non-Orthodox confessions that existed in the territory of the pre-revolutionary Tambov province. In addition to analytics of the phenomenon of non-traditional non-confessional vocabulary, the publication performs local lore research tasks. It is aimed at identifying lexically labeled nominations of religious associations historically associated with the Tambov oblast, and is intended to partially fill the existing analytical gap in relation to a significant linguistic phenomenon in a geographically designated territory (from Tambov province to Tambov oblast). It has been carried out a historical and lexical description of confessional vocabulary noted in religious associations historically associated with the Tambov oblast. The following conclusions are made: the dictionary of communal identification of Molokans, Doukhobors, Skoptsy, Khlysty in the period corresponding to the historical data of the 18th and 19th centuries represented an original lexical code that did not compare with the religious lexicon of the main population. At the same time, for representatives of these communities, it was a self-sufficient and unique marker for identifying their own religious worldview. The vocabulary of the listed confessions available from the sources is thematically limited, much poorer in content & ways of expression than the Orthodox vocabulary, which is explained, firstly, by the lack of historical and cultural tradition and separation from the high style of the Church Slavonic language; secondly, by the smaller number and little education of its representatives. An important role was played by the desire for self-identification and innovation (there is a large number of self-names of members of community collectives). Terminology and the selection of means of expression are based on folklore and popular motivation, which is due to the need to build their own religious and mythological picture of the world for the environment of existence.

Key words: historical vocabulary, Tambov dialects, confessional vocabulary, self-names, motivational connections, facts of the history of the language, study of local lore.

For citation: Dubrovina, S. Yu. (2023) Mental'nost' religiozno-misticheskikh nastroyenij sektantsva i ih leksicheskaya realizaciya v istorii Tambovskoj gubernii [The Mentality of Religious and Mystical Moods and their Lexical Realization in the History of Sectarianism of the Tambov Province]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 119–141. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_119. EDN: CLUTSQ

References

1. Aleksandrov, I. A. (2018) *Otvetstvennost' skopcov soglasno Ulozheniyu o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1845 goda* [Responsibility of eunuchs according to the Code of Penal and Correctional Punishments of 1845]. *Hristianskoe chtenie – Christian Reading*. No. 4. Pp. 124–132.
2. Berman, A. G. (2008) *Prostonarodnye religiozno-misticheskie dvizheniya v Srednem Povolzh'e v XVIII–XX vv.* [Common religious and mystical movements in the Middle Volga region in the 18th–20th centuries]. CHEBOKSARY: Volzhskij filial MADI. (In Russian).
3. Bondar, S. D. (1916) *Sekty khlystov* [Khlysty sects]. Petrograd: Tip. V. D. Smirnova. (In Russian).
4. Butkevich, T. I. (1910) *Obzor russkikh sekt i ih tolkov* [Review of Russian sects and their interpretations]. Har'kov: Tip. Gubernskago pravleniya. (In Russian).
5. Buyanov, D. E. (2015) *Duhobory v Amurskoj oblasti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Dukhobors in the Amur region in the second half of the 19th – early 20th centuries].

Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. No. 68. Pp. 11–16. (In Russian).

6. Gromyko, M. M. (2000) Pravoslaviye kak traditsionnaya religiya bol'shinstva russkogo naroda [Orthodoxy as a traditional religion of the majority of the Russian people]. *Pravoslaviye i kul'tura etnosa. (Mezhd. nauchnyj simpozium: tezisy dokladov)* [Orthodoxy and culture of the ethnosa. (Inter. scientific symposium: abstracts)]. Moscow: Staryj sad Publ. Pp. 5–8. (In Russian).

7. Dubasov, I. I. (1890) *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja* [Essays from the history of the Tambov region]. Tambov: Tip. Gubernckogo pravleniya. Vyp. 1. (In Russian).

8. Dubrovin, N. F. (1895) *Nashi mistiki – sektanty: E. F. Tatarinova i A. P. Dubovickij* [Our mystics – sectarians: E. F. Tatarinova and A. P. Dubovitsky]. *Russkaya starina: ezheimesyachnoe istoricheskoe izdanie – Russian antiquity: a monthly historical publication*. Vol. 84. Pp. 33–64. (In Russian).

9. D'yachenko, G. (1993) *Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar' (so vneseniem v nego vazhnejshih drevnerusskikh slov i vyrazhenij)* [Complete Church Slavonic Dictionary (with the introduction of the most important Old Russian words and expressions)]. Moscow: Izd. otdel Mosk. Patriarhata. (In Russian).

10. Litvincev, K. (1887) *Amurskie sektanty: molokane i duhobory* [Amur sectarians: Molokans and Doukhobors]. *Hristianskoe chtenie – Christian Reading*. No. 11–12. Pp. 549–567; 664–681. (In Russian).

11. Matveev, O. V. (2012) *K istorii povsednevnosti otstavnykh kubanskikh oficerov (vtoraya polovina XIX stoletiya)* [On the history of everyday life of retired Kuban officers (second half of the 19th century)]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii (regional'nyj nauchnyj zhurnal Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury) – Cultural life of the South of Russia (regional scientific journal of the Krasnodar State Institute of Culture)*. No. 2 (45). Pp. 30–32. (In Russian).

12. Mechkovskaya, N. B. (1998) *Yazyk i religiya: Posobie dlya studentov gumanitarnykh vuzov* [Language and religion: A guide for students of humanitarian universities]. Moscow: Agentstvo FAIR Publ. (In Russian).

13. Meshcheryakova, O. A. (2023) *Yazyk religioznoj sfery kak ob'ekt izucheniya sovremennoj lingvistiki* [The language of the religious sphere as an object of study of modern linguistics] *Art Logos (Iskusstvo slova) – Art Logos (Art of the word)*. No. 1 (22). Pp. 128–144. (In Russian).

14. Mishchenko, V. V. (2011) *Sektantstvo na territorii Orlovskoj gubernii v konce XVIII–XIX vv.* [Sectarianism on the territory of the Oryol province at the end of the 18th – 19th centuries]. *Vestnik MGOU (Moskovskogo oblastnogo universiteta). Seriya «Istoriya i politicheskije nauki» – Bulletin MGOU (Moscow Regional University). Series "History and political sciences"*. No. 1. Pp. 27–34. (In Russian).

15. Panchenko, A. A. (1998) *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia]. St. Petersburg: Aleteya Publ. (In Russian).

16. *Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij enciklopedicheskij slovar' v 2 t.* (1913) [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary in 2 vols]. St. Petersburg: Izd-vo P. P. Sojkina (In Russian).

17. Plotkin, V. A. (2011) *Osobennosti sektantstva Penzenskoj gubernii v pervoj chetverti XIX – nachale XX veka* [Peculiarities of sectarianism in the Penza province in the first quarter of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships*. No. 2 (20). Pp. 19–29. (In Russian).

18. Romanovskaya, L. R., Ostroumov, S. V., Sal'nikov, M. V. (2014) *Fomichev M. N. Religioznaya forma social'nogo protesta v politiko-pravovoj istorii Rossii* [Religious form of social protest in the political and legal history of Russia]. *Mir politiki i sociologii (federal'nyj nauchno-prakticheskij zhurnal) – World of Politics and Sociology (federal scientific and practical journal)*. No. 10. Pp. 26–33. (In Russian).

19. Saharov, I. P. (1997) *Russkoe narodnoe chernoknizhie* [Russian folk black books]. St. Petersburg: Litera Publ. (In Russian).

20. Fasmer, M. (1986–1987) *Etimologičeskij slovar' russkogo yazyka v 4-h t.* [Etymological dictionary of the Russian language in 4 vols.]. Moscow: Progress Publ. (In Russian).

21. Fedotov, G. P. (1991) *Stihi duhovnye (Russkaya narodnaya vera po duhovnym stiham)* [Spiritual Poems (Russian Folk Faith According to Spiritual Poems)] vstupit. st. N. I. Tolstogo; posleslovie S. E. Nikitinoj; kommentarij i podgotovka teksta A. L. Toporkova. Moscow: Progress, Gnozis Publ. (In Russian).

дата получения: 01.06.2023 г.

дата принятия: 15.06.2023 г.

дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 01 June 2023

date of acceptance: 15 June 2023

date of publication: 30 September 2023